

грант из Волгограда, шесть лет не видевший оставшуюся дома мать, вплотную к нему — компания «вологодцев» (кстати, единственная ошибка Терехова: все-таки жителей этой области нужно называть «вологжанами») с десятью бутылками пива, компания случайно возникших португальских фанатов, косоглазый банкир-туляк, араб с лоскутным одеялом, неумелая гид-переводчица; ветеран, воевавший в Анголе; Валерик, которого знает весь Челябинск, — портретная галерея разных национальностей, со своими проблемами и чудачествами. Впрочем, автор их любит, потому что все они — свои. Все они так же болеют футболом и не могут поверить, что сборная России — в который уже раз, должны ведь были привыкнуть — проигрывает не самой сильной команде.

И даже драки в самолете, пьянство и похождения по ночным клубам, где «русским никто не отсасывает», — все они, вместе взятые, создают тот узнаваемый, поначалу кажущийся неровным и скользким стиль тереховского письма: текст из разных несвязных диалогов постепенно переходит в мучительный разговор с собой насчет потерянных смыслов. Впрочем, заканчивается все оптимистично: футбол требует новых эмоций, как сама жизнь: «Из самолета в метель при минус девяти все шли принципиально в шортах и майках. Двоих несли».

* * *

В эссе Кирилла Набутова о специфике аргентинских футбольных нравов есть фрагмент, где автор говорит о «Вижас Мизериа» («виллах нищеты») — буэнос-айресском аналоге фавел, трущоб, короче говоря. Обычно там живут не очень приветливые люди: они воруют электричество у городских сетей, недобраивают дом, чтобы не платить налог, так что бытует мнение, что туристам туда лучше не заходить. Однако именно там родился величайший футболист прошлого века — Диего Марадона. Все-таки в любви из «вижас» есть футбольное поле — и рано или поздно самородок из аргентинских трущоб должен был сверкнуть на футбольной витрине дорогих драгоценностей.

Современная русскоязычная проза, посвященная футболу, — это «вижас мизериа». Коллективный Марадона — это Рубанов, Терехов, Самсонов и Данилов. Все остальные просто воруют электричество.

Алексей ЮГОВ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СЧАСТЬЮ

Счастье-то какое! В прозе и стихах. М.: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2018.

В редакции Елены Шубиной в серии «Русский рассказ» вышел третий сборник — посвященный теме счастья. Выбор темы неоднозначный, тем более что первые два были посвящены детству и футболу.

Составитель сборника — Майя Кучерская, руководитель и преподаватель Creative Writing School. Она же — автор идеи: «Я ведь преподаю русскую классику, а там... Вечно герои расстаются, гибнут, стреляются. И я предложила просто в порядке литературного эксперимента слушателям наших литературных мастерских Creative Writing School написать уже наконец рассказ о счастье. Получила около 20 рассказов, некоторые великолепны. Я принесла их Елене Данииловне Шубиной, нашему знаменитому редактору и во многом создателю современной русской словесности. Елена Данииловна резонно ответила, что о счастье не только юные, но и взрослые авторы могут написать.

Так и родился этот сборник, в который вошли и тексты наших выпускников (в итоге из 20 редакция отобрала 8), и замечательные рассказы писателей самых разных поколений — от Евгении Некрасовой до Евгения Водолазкина».

Итак, 31 текст, большая часть — рассказы, немного стихов, предисловие составителя. Маленькая лаборатория, в которой попытались вывести заветную формулу. Попытка очень хорошая, написать бы еще о разном: радости, ревности, тоске, одиночестве, красоте, зависти... Так же лично, почти интимно.

Каков же рецепт зелья для приготовления «нового русского счастья», какие ингредиенты надо смешать, в каких количествах? Общего рецепта не нашлось, да и можно ли его найти, когда речь идет о таком ускользающем понятии? Зато ингредиенты алхимии использовали зачастую одинаковые: смертельная болезнь, одиночество, тоска, боль различной этиологии, попытка самоубийства, смерть близкого человека... Не вдохновляет, правда?

Ну, посмотрим на тексты. Надо сказать, они очень разные по стилю. Как сказала та же Майя Кучерская (о своей, правда, книге «Плач по уехавшей учительнице») в одном из интервью: «...от одной матери, но от разных отцов. Отец-абсурдист, отец-авангардист, отец-суровый реалист, отец без лица, сбежавший после первого же свидания...» Так вышло и в этом сборнике, что неудивительно, особенно если учесть, что писатели из разных поколений. От отца-абсурдиста, например, рожден рассказ Марины Вишневецкой «Что есть счастье», а вот «Ида и вуэльта» Анны Матвеевой, по видимому, росла без отца и таскала из маминой сумочки дамские романы.

Сборник открывается стихотворением о счастье в несимпатичных декорациях жизнерадостного Дмитрия Быкова, что, наверное, не случайно:

Все неприятно, некрасиво,
неприбрано, несправедливо,
ни холодно, ни горячо,
Погода дрянь, дрянное пиво,
а счастье подлинное, чо.

Примерно в таких же декорациях приходит счастье к герою рассказа Матвея Булавина «Безмятежность». Понятное дело: счастье само выбирает, куда и к кому идти, не фильтруя претендентов по возрасту, полу и социальному статусу. А уж интерьеры тем более не важны.

Удивительно, что всего один рассказ о детстве, спасибо Евгению Водолазкину («Детский сад»): «...оглядываясь на то бесконечно далекое время, я понимаю теперь, что оно-то и было счастьем». Кажется, где же еще искать его, как не там, в этом потерянном рае. В детском мире происходит действие рассказа Татьяны Кокусаевой «Дерись!», только детство это совсем другое, проблемное. Может, счастливая любовь поможет? О любви ясной и легкой написал Сергей Шаргунов («Ты — моя находка»): «Может быть, счастье с одной дает обладание всем миром?» Долгое ли это счастье? Известное дело. Тоже о любви — рассказ «Аленький цветочек» Игоря Сахновского, но любовь эта прерывается смертью.

Большая же часть текстов все-таки строится по примерно одной схеме: тяжелая ситуация, данная в начале, каким-то образом разрешается, избывается в конце. Так строится рассказ Ярославы Пулинович «Кредит» о женщине из провинциального русского городка, поставленной в тяжелые условия существования и через попытку самоубийства обретающей какое-то подобие счастья. Так строится рассказ Михаила Кузнецова «Мне не страшно», в котором счастье приходит вместе со смертью. Тот же спутник

счастья в рассказе «Ангелы» Наринэ Абгарян. У всех в разной степени светлые финалы. Но вот самый страшный рассказ, на мой женский взгляд, — это «Лакшми» Евгении Некрасовой. Читать его было мучительно, а счастливая концовка для героев не стала счастливой для читателя. Вот финальный детский стишок из рассказа — он трансформировался в зависимости от перипетий сюжета:

Ладушки-ладушки, где были?
У бабушки.
Что ели?
Кашку.
Из чего кашка?
Из историй страшных
Про многорукую Лакшму.
Где кашку взяли?
Сами написали.
Зачем такая кашка?
Чтоб беды прогнать,
Чтобы счастье приблизить.

Причина, видимо, в том, что русское счастье никак не может быть американской мечтой. Счастье живет в какой-то другой области. И обнаруживается оно, как ни странно, в экстремальных обстоятельствах, которыми жизнь в нашей стране, да и вообще жизнь, чего уж говорить, полна до краев.

А может, в специфике русской литературы. Если согласиться с тем, что русская литература всю свою жизнь заменяла собой философию, а современные литераторы получают по наследству эту традицию, то можно сказать, что большая часть счастья, как его понимает среднестатистический человек (об этом можно узнать из отзывов к книге на сайте LiveLib), остается за бортом этого сборника. Потому что счастье по-философски и по-русски — значит пройти мимо страшного и увидеть ясно промысел и замысел.

А может, ответ надо искать просто в теории жанра. Может быть, структура жанра новеллы определяет такое понимание счастья. О счастье длительном скучно писать: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Новелла требует довольно четкой структуры: экспозиция, развитие сюжета, пуант — точка, в которой все переворачивается и обретается и от которой сюжет стремительно движется к развязке. Такова схема «страшных» рассказов сборника: в рассказе «Кредит» пуантом становится попытка самоубийства, в «Лакшми» многострадальная героиня начинает превращаться в индуистскую богиню благополучия, обретая вторую пару рук. Только после поворота обретается, наверное, не счастье, а освобождение, облегчение, покой.

Однако сборник кончается двумя текстами, из которых действительно выныриваешь, может быть, не счастливым, как обещали на обложке, но обновленным, и в этом видится особый замысел составителя. Это автобиографический рассказ «Глория мунди» Марины Москвиной и «Уколы счастья» Александра Гениса. Оба — «остраняющие», если пользоваться термином формалистов. От Марины Москвиной читатель заберет с собой в жизнь способность удивляться знакомому миру: «Как мы доверили себя такому сказочному, полностью неправдоподобному ходу событий? Да еще расположились среди этого всего с комфортом! Ей-богу, сомнение намного резонней замысленного взгляда на жизнь. Я даже не знаю, жили те люди на свете, которые умерли? Или

они просто снились нам? Куда же они подевались? И не ошибочно ли — то, что я живу?» От Александра Гениса — «практику» под названием «Книга радости», навык поиска приятных мелочей в том же знакомом мире.

Итак, собрались русские писатели-алхимики на консилиум. Интеллигентно выразили свои точки зрения, привели примеры, истории из жизни. Последним слово взял Александр Генис: «Уважаемые коллеги, следует признать, что мы были неправы, рецепт счастливого снадобья нами не найден. По-видимому, есть только „уколы счастья“, выявить закономерность появления которых также не представляется возможным. Посему заседание предлагаю считать закрытым. „Остановись, мгновение, я выхожу“».

Жанна ГОРДЕЕВЦЕВА

НЕГАТИВНЫЙ ПОЗИТИВ, ИЛИ ВДОХНОВЕНИЕ СТРАШНЫМ

Жить! Сборник / Сост. А. Рубанов. М.: Э, 2018.

«Жить!» — лозунгом, призывом звучит название сборника, который эксперимент ради можно поставить на одну полку со всякими «Куриными бульонами для души» и прочими книгами для поднятия духа. Наверное, никто даже не заметит подвоха — позитивное, жизнеутверждающее название, силуэты птиц на обложке. Так и ждешь от этой книги чего-то такого... легковдохновляющего. Ждешь, что там будут истории каких-то абстрактных людей, которые боролись с какими-то своими проблемами — может быть, даже довольно серьезными, но — это сразу должно быть понятно — в конце истории разобрались с ними, и все снова стало абсолютно и безоговорочно хорошо.

Но вот читатель берет сборник в руки, срывает пленку, открывает книгу и погружается в чтение. С лица его медленно сползает безмятежная улыбка. Сборник оказывается не так прост. Первый же рассказ переносит читателя в туберкулезный диспансер. Пока перед его глазами разворачиваются судьбы немногочисленных обитателей палаты, у него в голове уже появляется новая догадка: быть может, все рассказы посвящены чудесным исцелениям тяжелобольных людей или просто долгой, но успешной борьбе с недугом? Хотя нет, непохоже. Окончательно запутанный читатель переходит к следующему тексту. Единственное, в чем он теперь уверен, — рассчитывать на легкое чтение не приходится. Даже птицы с обложки, притворившиеся даже не символом, а уже эмблемой свободы, оказываются, взялись из рассказа Бориса Евсеева «Ехал на Птичку Иван Раскоряк». Это те самые, которых главный герой из клеток на рынке повыпускал и за которых был закопан заживо в ближнем лесочке (предвидя вопросы: выкарабкался, ожил, невесту нашел — все как в сказке — и зашагал к себе домой. Только вот что толку? Птицы покружат под потолком и в клетки вернуться, а те, что улетят, наверняка замерзнут. А главному герою еще в нищете жизнь волочить, с хлеба на воду перебиваться. Жизнь не изменится после воскресения Ивана Лазоревича из мертвых). Но к этому мы еще вернемся.

Между тем читатель подбирается к довольно правдоподобному предположению: сборник «Жить!» — про Любовь и Смерть. А как иначе? Любовь, конечно, в широком смысле — и к жене, и к любовнице, и к отцу, и к... Да много к кому. Любовь настоящая, любовь фальшивая, а чаще всего — такая, что уже и сам не понимаешь, искреннее это чувство или так, обман зрения. И, конечно, Смерть, горечь утраты, то, что, как и Любовь, ярче высвечивает грани жизни. Но эти два действующих лица — слишком традиционны и возвышенны. Оставь только их — и получится какой-то романтизм.